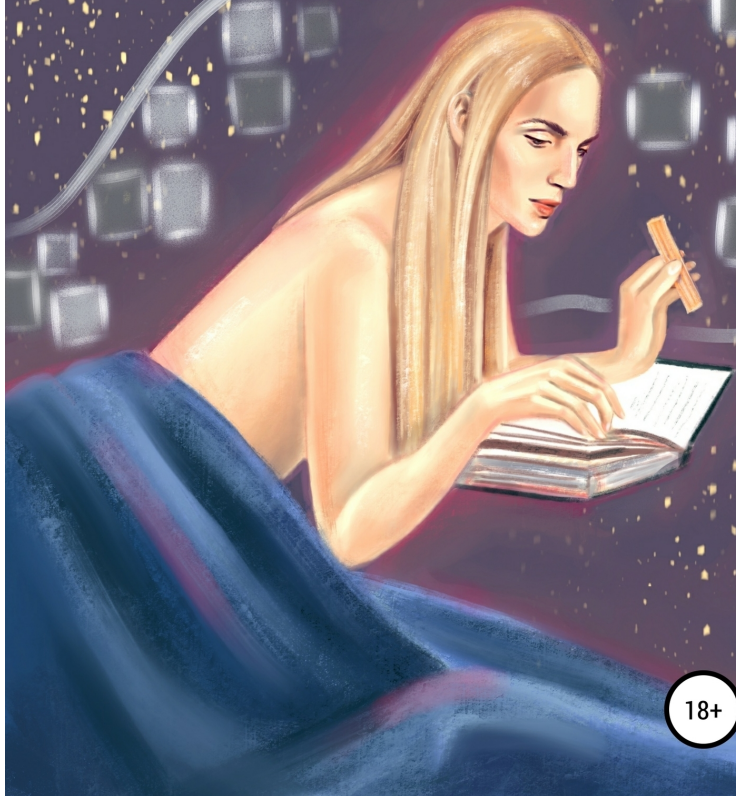

ЯНА САКОВСКАЯ
АМРИС, ПРЕДСТАВЛЯЕШЬ?

18+

Яна Саковская

Амрис, представляешь?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43437010

SelfPub; 2019

Аннотация

Новые приключения Амриса и Кан-Гиора в мире разумных грибов! Как они там оказались? И как им теперь выйти из этой ловушки? Зубодробительные артефакты грибной планеты значительно влияют на восприятие и могут поставить в тупик любого космического волонтера, но наши герои находят разгадку. Также читателя ждет параллель с рассказом "Безымянное", ведь Кан-Гиор продолжает творить себя как глубокого художника, а Амрис – как маркетолога широкого контекста. Не остается без внимания и романтическая линия, получившая в этом рассказе новые горизонты и надежду. Третий рассказ второго тома.

*С большой благодарностью
Михаилу Святловскому*

Список смертных грехов я предлагаю дополнить пунктом про незнание целевой аудитории.

Есть этот образ из памяти Кан-Гиора, старый земной рекламный ролик зубной пасты, в котором яйцо погружают в кислый раствор, и через некоторое время скорлупа становится мягкой. Хотя продолжает выглядеть твёрдой.

Чтобы пояснить действие находящегося передо мной артефакта, я с удовольствием обратился бы к этому образу, но есть одна проблема.

Я не знаю, имеет ли аудитория, которая будет читать мой отчёт, представление о том, что такое яйцо.

Меня это раздражает страшно. Я торможу и пробуксовываю уже который отчёт, потому что я не могу понять, какие категории описания мне стоит применять, чтобы будущий читатель понял, о чём я пишу.

Когда я спрашиваю своего начальника, кто будет читать этот отчёт, он смотрит на меня то одним своим рыбьим глазом, то другим, и у меня появляется тяжёлое подозрение, что в этот момент каждый из нас считает другого... ну, если не идиотом, то весьма недалёким малым.

Когда я не знаю, для кого я делаю что-то, есть большой риск того, что усилия, помноженные на время, пропадут впустую. А так как есть только два по-настоящему ценных ре-

сурса – время и силы, – больше всего я терпеть не могу, когда они уходят впустую.

Может быть, попробовать объяснить эту рекламу с яйцом? Уж больно образ хорош.

Нет, для этого нужно будет объяснить слишком много земных реалий. Хотя бы – что такое яйцо. Не считая уксуса, зубной пасты, цели этого эксперимента и явления телевизионной рекламы в целом.

Тем более, что всё это описание мне нужно исключительно для того, чтобы в конце написать: «так вот, это как в той рекламе, только наоборот».

И окончательно взорвать мозг читателям. Если у них есть мозг, а то вообще-то не факт.

Мне нужен Кан-Гиор. У него точно есть мозг, и он бы не взорвался от моего объяснения. Кан бы поржал, но понял, что я имею в виду. И сказал бы то же самое по-человечески. У него намного лучше получается облекать образы и ощущения в слова.

О, да, я придумал: я бы экспериментировал с артефактами, передавал бы ему по телепатическому полю свои ощущения, а он бы записывал, и из нас получилось бы отличное комбо.

Но с телепатическим полем здесь явный напряг, а где Кан-Гиор – я не имею ни малейшего понятия. Что, если подумать, весьма странно, но мне нужно не об этом думать, а об артефакте передо мной.

Ладно. Пусть будет так, например.

«№4476

Камень искажает восприятие агрегатного состояния вещества. Жидкое может казаться твёрдым или, предположительно, газообразным, а твёрдое – мягким и податливым».

А газ?

Хм.

Держа камень в поле внимания, пробую почувствовать воздух вокруг.

Оу.

«Бесцветный газ без запаха обычно не чувствуется, но под воздействием камня я начинаю чувствовать присутствие воздуха. Или, скорее, мне начинает казаться, что я чувствую присутствие воздуха».

Всё вроде?

А, внешние данные же ещё. А то я так и застрял на моменте выбора категорий для описания.

Короче. Где мои линейка и термовесы.

«Камень яйцеобразной формы (уважаемые читатели, которые никогда не видели, что такое яйцо! оно имеет именно такую форму). Высота – 8 местн.ед. Наибольший диаметр – 4 м.е. Нижняя расширенная часть камня почти сразу после начала рассматривания камня начинает казаться мягкой и по мере рассматривания кажется всё более мягкой, но на самом деле она не меняет своего агрегатного состояния и продолжает быть твёрдой.

Масса (левое показание): 37 м.е. Температура (правое показание): 17 м.е.»

Хм. Подождите-ка.

«Есть ощущение, что температура может меняться в течение дня на 2 единицы в ту или иную сторону».

И что?

А.

«Это не оказывает заметного воздействия на свойства камня, но может быть любопытным обстоятельством для выяснения тонких закономерностей его действия».

Вот теперь всё.

Можно положить обратно в сейф.

Уоу-уоу-уоу!

Как мир интересно плывёт.

Я боюсь вдыхать, как если бы я был в воде и знал, что окружающая субстанция не подходит для вдоха.

И не только ощущение агрегатного состояния плывёт – плывёт также расчёт необходимого усилия или образа действия для взаимодействия с предметом. Как бывает, если я в темноте спускаюсь по лестнице и думаю, что там есть ещё одна ступенька и пытаюсь поставить на неё ногу, а там её нет.

В сейф такое, и подальше.

Нужно только до сейфа добраться.

А, можно попробовать закрыть глаза.

Да, так получше. Не вполне хорошо, потому что тело верит искажённым образам сознания и осторожничает, но

сносно.

Нащупываю и тяну рычаг двери выхода из экспериментальной капсулы, она с хлопом открывается, и я выхожу.

Когда дверь с таким же смачным хлопом смыкается за моей спиной, я чувствую лёгкую вибрацию. Я знаю, что там происходит. Из середины стола по спирали вылезает тонкий и узкий прозрачный кристалл и своим излучением чистит пространство от следов излучения камня, с которым я работал. Затем скрывается обратно.

Задача – найти сейф. Что не так просто сделать, потому что каждый раз, когда я подхожу к расположенным между экспериментальными капсулами и большим кристаллом продольным рядам сейфов, я не знаю, какой и в каком ряду будет открыт. Иногда сейф, что называется, смотрит на меня, а иногда мне приходится сделать несколько кругов, как на парковке, прежде чем я замечаю открытую дверцу.

А сейчас я двигаюсь с закрытыми глазами...

Может быть, удача будет ко мне благосклонна?

Наудачу протягиваю вперёд руку: вдруг открытая дверь будет прямо передо мной? Однако моя ладонь встречает пустоту.

Я, конечно, не очень надеялся, но было бы приятно.

Ладно. Я могу на секундочку приоткрыть глаза и хотя бы понять, в этом ли ряду открыт сейф.

У управляющих здешним порядком сил определённо есть некоторое чувство юмора. Открытая дверца сейфа – на пол-

ладони дальше, чем прошла моя рука. Типа – «Амрис, не стой на пороге, а сделай шаг навстречу?» А ведь я мог бы развернуться и пойти шупать другой ряд. Или не мог бы?

Нет, я не берусь судить, какая логика у этих сил и что я мог бы или не мог бы. Я лучше послушно положу камушек, куда мне говорят, и пойду почищусь от эффектов восприятия.

Я называю это «сейфом», но вообще-то я не уверен в его предназначении. Выемка за открытой дверцей из тяжёлого материала, очевидно, предназначена для того, чтобы в неё что-то клали, но точно я не знаю, что происходит с содержимым после того, как я закрою дверцу. Камень будет там храниться? Или это как лифт? Или, не знаю, шкаф телепортации? Дезинтеграции?

Микроволновка?

В любом случае.

Когда я закрываю сейф и пропадают следы стыка дверцы и стенки, я знаю, что мне нужно делать. Мне нужно повернуться спиной к пространству, где только что ничего не было, закрыть глаза, потом открыть их и обернуться.

И тогда там будет кристалл.

Пока у меня в руках артефакт, пока открыт сейф, проход к кристаллу закрыт стеной. С теми артефактами, с которыми я мог сносно передвигаться, я пробовал подходить к стене и шупать её, но я ничего не могу сказать о её природе. Толстая ли, тонкая ли, из какого материала. Она чёрная с серебри-

стыми разводами, как пол. Она бесшумно исчезает, когда я отворачиваюсь.

У меня нет средств доказать это, но мне кажется, что она появляется и исчезает, когда на неё никто не смотрит.

Эффект действия камня ещё не проходит, и кристалл кажется мне жидким. Хотя вообще-то он твёрдый и прозрачный. Впрочем, восприятие быстро приходит в норму: кристалл действует и на таком расстоянии.

Для верности, однако, пойду рядышком постою.

Кристалл в полтора раза выше меня, толщиной – как раз такой, что удобно обнимать. Правда, такое объятие я могу выдерживать не дольше пары мгновений, после которых я чувствую, что кристалл начинает обжигать меня своей ясностью и чистотой и как будто отталкивает.

Насколько я понимаю, кристалл делает одно: снимает следы воздействия местных артефактов. Я могу прийти – или приползти – со сколь угодно поражённым сознанием, но от кристалла я уйду с ясной головой, как будто только что проснулся. Усталость внимания он тоже снимает, поэтому я часто терял счёт времени, проведённого в лаборатории, и ориентировался либо по номерам артефактов в журнале, либо по громким сигналам тела: надо попить, надо поесть, надо в туалет, надо поспать...

Сейчас обниматься с кристаллом нет нужды. Я просто посижу немножко на одном из коротких отростков у его подножия.

Может быть, от повторения этой практики точка, на которой я сижу и на которую я часто собираю приключения, наберётся ясности, мудрости и интуиции.

Но это неточно.

Уже который раз думаю, кстати, что здесь не хватает маленькой уютной кухоньки и удобных сидений. Все приходят к кристаллу после завершения работы над очередным артефактом, и, казалось бы, самое место, чтобы подкрепиться и пообщаться, но местные дизайнеры пространства такого, похоже, не предусмотрели. Настолько, что я даже не уверен, что механика пространства с исчезающим и появляющимся кристаллом подразумевает возможность встречи двух сотрудников у него. Я пока ни с кем не встречался и не видел, чтобы у кристалла, когда он открыт, было больше одного человека или существа – здесь гораздо больше представителей самых разных рас, чем людей. Про себя я думаю, что я человек, потому что я наблюдаю привычный образ тела и привычный обмен веществ, но в деталях я не уверен. Я себя не вскрывал – вдруг у меня там кровь какая-нибудь совершенно чудная? Если вообще есть. Хотя сердце имеется и определённо что-то гоняет по сосудам.

Ладно. Эта ветка рассуждений мне знакома, и она бесплодна, потому что себя я вскрывать не хочу, а других ради удовлетворения собственного любопытства вскрывать – противоречит моим ценностям. Лучше делом займусь. Тем более, что окружающие предметы вернулись в привычное аг-

регатное состояние и в голове прояснилось.

Зона выдачи новых объектов для исследования находится ровно в противоположном от кристалла конце зала, и я неспешно направляюсь к ней.

Сегодня почти никого нет. Только парень-альбинос в дальней капсуле. Пойду, кстати, гляну, как у него дела.

Когда я только приступил к работе, народу было больше. Человек семь на зал из примерно двадцати капсул. Но мы не пересекались, и я ни с кем не смог познакомиться. Через некоторое время по неизвестной мне причине они стали исчезать по одному, пока не остались мы с парнем-альбиносом.

Что любопытно – у меня нет никакого зловещего предчувствия по поводу этих исчезновений. Когда я прислушиваюсь к своим ощущениям, они говорят мне, что вскоре я примерно так же исчезну, и это будет в порядке вещей, и у моего тела нет на это возражений.

Парень-альбинос в ярко-оранжевом комбинезоне сидит в своей капсуле, скрючившись, растопырив пальцы над каким-то круглым синим камушком и вперив в него взгляд. Обхожу всю его капсулу кругом – на меня ноль внимания. Выглядит, впрочем, неплохо. По крайней мере, в обозримом будущем его состояние стабильно и не требует вмешательства.

Ну и славно.

Удачи, коллега.

А мне нужен вот этот шкаф в стене, чёрная с серебри-

стыми разводами дверца которого поднимается потягиванием ручки на себя.

Каждый раз там что-то есть.

Содержимое по итогам исследования можно отнести к одной из двух больших категорий: всякая радость и всякая гадость.

Всякая радость одаривает различными любопытными эффектами восприятия, галлюцинациями, заметными, но незначительными изменениями в телесных процессах. Общее от них ощущение – прикольно. Иногда, может быть, с некоторым неудобством, но в целом – прикольно. Например, артефакт, с которым я только что разобрался, безусловно относится к этой категории.

А всякая гадость неприятно и даже вредно искажает или вообще отключает по-настоящему важные функции организма. Один милый камушек с дырочкой посередине, помню, занятно отключал вестибулярный аппарат. Были и артефакты, которые действовали на клеточном уровне, и я чувствовал, что происходит что-то не то, но не мог исчерпывающе и точно описать процесс, поэтому ограничивался самыми общими словами, делал специальные пометки и переходил к следующему предмету.

Вредная работа, короче. Но и работа мечты. Это первый раз на моей памяти, что я могу вдоволь повозиться с разными штуковинами и поразгадывать их загадки.

Ну, место, что ты приготовило для меня на этот раз?

В шкафу лежит ярко-голубой в чёрную крапинку камень, размером с мелкий абрикос – нет, я не осилю объяснить, что такое абрикос, и в отчёте, видимо, придётся просто написать размер в местных единицах.

Меня не просто охватывает плохое предчувствие – мне кажется, что при моём взгляде на этот предмет одновременно истошно завопили все мои внутренние системы безопасности.

О-па.

Я же ещё ничего не делаю. Я даже не выстроил намерение взять камень в руки.

Ладно, давайте последовательно смотреть, что не так.

Допустим, я беру его правой рукой. Просто выстраиваю намерение.

Да что ж такое!

Уровень опасности впереди по этому намерению такой, как будто я стою не в пустом зале, а на передовой на войне.

Откуда?

Откуда такой уровень опасности?

При этом, что любопытно, я не предчувствую боли. Просто в каждом мгновении появляется дорожка на смерть.

Я настолько не понимаю, как такое может быть, что я готов попробовать.

Кстати, несмотря на то, что вероятность смерти в ближайшие минуты резко возросла, я вдруг чувствую, что на любопытстве я как раз и могу безопасно эти минуты прожить.

Как Перита, которая, как я помню образ Кана, на своей надежде и, как мы выяснили, знании души каждого, кто доверился ей, может проводить коллективы по минному полю. По своему минному полю я смогу пройти на любопытстве.

Это очень странный образ, если подумать. С точностью до наоборот. Видимо сегодня день такой – день метафор, «вот так, только наоборот».

Короче.

С богом – раз уж Периту вспомнил.

Затаив дыхание, я беру камень большим и указательным пальцами правой руки.

И внутрь меня опускается тишина.

Я просто стою с камнем в руке, и ничего не происходит, и внутри меня тишина.

Окей, Амрис, какая именно тишина? Как отличается это состояние от того, что ты только что испытывал?

Почему-то этот вопрос прозвучал у меня в голове голосом Кан-Гиора.

Амрис, у тебя такой дефицит общения, что ты начинаешь разговаривать сам с собой голосами других людей.

Тьфу ты.

Так. Какая именно тишина? Как будто...

Как будто системы безопасности зависли от перегрузки, пытаюсь справиться с объёмом информации? Вроде нет...

Как будто они перегорели от перегрузки и больше не работают? Тоже нет.

А. Тишина такая, как будто все мои системы безопасности на месте и исправно работают, но просто их сигнал до меня не доходит.

Да. Их истошные вопли были не в моменте – они предупредили меня о скором наступлении состояния, когда я не буду слышать сигналы об опасности.

Опасность не в камне – опасность в том, что с ним я перестану чувствовать опасность.

Так и запишем.

А, вот ещё. Если я не слышу сигналов о ближайшем будущем, надо бы выкрутить ручку внимания в настоящем на максимум.

И вначале благополучно добраться до капсулы.

Я падаю, зайдя в капсулу, когда дверь уже начала закрываться за мной.

Как в мультфильмах из земной памяти Кан-Гиора, когда персонаж поскользывается на банане и падает на спину.

Отличие только в том, что никакого банана нет. Я поскользываюсь на ровном месте, по которому ходил сотни раз, так размашисто, как будто пол в капсуле вдруг обратился в самый скользкий во вселенной лёд.

И падаю. Спиной, плечом, головой, из меня вышибает воздух, темнеет в глазах, и я лежу, пытаюсь отдышаться, головой высываясь из компактной по размерам капсулы.

И, наверное, только потому, что старые рефлексы по расчёту рисков со мной, хотя напрямую я не вижу своего буду-

щего, я успеваю об этом подумать.

Я лежу, высунув голову из капсулы, а дверь продолжает закрываться.

Она сломает мне шею.

Смотреть и проверять траекторию нет времени.

Поднять голову, оттолкнуться локтём и затащить себя внутрь капсулы мне удаётся исключительно на силе воли.

Дверь чавкает за моей спиной, будто разочарованно.

Я сижу, привалившись спиной к стеклянной стене, и даю себе отдышаться.

Голубой в чёрную крапинку камень лежит под столом, куда он закатился, когда я выронил его при падении.

Он кажется мне гораздо тяжелее, чем он на самом деле есть. Как будто он искривляет пространство вокруг себя...

Амрис, у тебя глюки. Ты ударился головкой, и у тебя глюки.

Кстати. Почему я не чувствую боли?

Я же крепко, от души приложился. По идее, мне должно быть весьма больно.

Я только чувствую, как учащённо бьётся сердце, и тело гудит, и я временно обессилел и восстанавливаюсь от пережитого потрясения.

Но я не чувствую боли.

О, боги. Неужели.

Ещё на одном усилии воли поднимаю себя, сажаю за стол и беру ручку – или как там называется местное писало.

Нужно только оставить немного места, чтобы потом дописать про то, что при длительном пребывании под воздействием предыдущего артефакта воздух начинает казаться жидким и опасным для дыхания.

«#4477

Голубой в чёрную крапинку шарообразный камень диаметром в 3 м.е.

Действует в трёх направлениях:

Полностью заглушает болевую чувствительность.

Практически полностью заглушает видение своего будущего – для тех, у кого есть эта способность.

Повышает вероятность смерти в каждом мгновении.

Уровень опасности артефакта: **НАИВЫСШИЙ**.

Масса (левое показание): 50 м.е. Температура (правое показание): 9 м.е.»

Это самая опасная вещь, которую я когда-либо видел.

Хотя, если подумать, что значит «самая опасная»? Она создаёт множество возможностей для безболезненного выхода из воплощения – факт. В принципе, для тех, кто хочет выйти подобным образом, это может быть как раз то, что доктор прописал.

Образы у меня сегодня, конечно, один лучше другого...

Ладно. С этим артефактом тоже всё понятно. До сейфа бы теперь добраться.

Как ни странно, это не составляет труда. Ближайший к

моей капсуле сейф открыт, и мне нужно сделать всего три шага.

И теперь – чиститься, чиститься, чиститься.

От возвращающейся чувствительности к боли, а заодно и к будущему, внутри меня как будто с облегчением вздыхает орган из труб разных систем безопасности.

Я думаю, что Кан-Гиору понравилась бы эта идея – что самый опасный артефакт, с которым я взаимодействовал когда-либо, убирает болевую чувствительность.

Расскажу при случае.

Лот №4500 запоминается мне тем, что он создаёт захватывающую иллюзию того, что окружающие меня мелкие предметы сейчас примутся меня кусать.

Сидя у кристалла с папкой отчёта, по этому поводу я обнаруживаю в своём сознании всего одну мысль.

Что курил создатель этого артефакта?

Дайте мне того же, держите это от меня подальше.

В любом случае, кажется, пора объявить очередной трудовой подвиг совершённым. И отдохнуть.

Голова ясная, но тело двигается с трудом, нехотя. Странный эффект: как будто на те действия, которые я обычно выполняю автоматически, сейчас мне нужно выделять дополнительный ресурс внимания.

Сколько часов я здесь провёл?

Занести отчёт, пожевать чего-нибудь и баиньки.

Воодушевившись этим планом, подхватываю папку и направляюсь к выходу.

Кидаю взгляд на парня-альбиноса – он сидит в прежней позе. Не могу сказать, что мне это нравится. Как я успел выяснить, здесь попадаются действительно опасные вещи. Состояние его, правда, на ближайшие несколько часов, до утра, как минимум, стабильно. Нестабильным оно начинает быть потом. Завтра вновь приду – проведу. Если что – вмешаюсь.

Кабинет моего начальника находится рядом с лестницами, у противоположного конца коридора, ведущего к экспериментальному залу.

Проверяю, насколько могу себя оглядеть, прилично ли я выгляжу, приглаживаю дреды – если не сказать, что проверю, на месте ли они, – и стучу в дверь.

– Да? – в ответ на мой стук из-за двери доносится негромкий сухой голос.

– Амрит-Саир, принёс отчёт.

– Заходи.

Я и захожу.

Если так подумать, то у меня давно не было начальника.

Начальника-рыбы у меня точно не было никогда.

Ну, то есть, как – рыбы: у него антропоморфное тело ростом чуть ниже моего, но на шее у него жабры, а покрытая крупной серебристой чешуёй голова не овальная, как у лю-

дей, а вытянутая носом и губами вперёд. И глаза по разные стороны носа.

Своеобразная должна быть картина мира.

Насколько я могу предположить, он дышит тем же самым воздухом, что и я. Поэтому, если честно, я не очень понимаю, зачем ему жабры. Разве что он будет без проблем дышать под водой, окажись он в воде?

Тогда он, получается, не рыба, а амфибия? Но голова у него совершенно рыба...

Зовут его Петер. И есть ещё что-то типа фамилии, длинной и сложной, которую я не запомнил.

Про себя я, естественно, называю его Петей.

Мой начальник-рыба Петя читает два отчёта одновременно. Один он держит в поле зрения правого глаза, другой – в поле зрения левого. Тонкими, почти прозрачными губами он сжимает соломинку, высывающуюся из стоящего перед ним высокого непрозрачного стакана и потягивает какой-то напиток.

Я бы заснял эту экзотическую картину, если бы было, чем. Впрочем, я думаю, что, если бы я сдал начальнику отчёт, а потом начал бы его фотографировать, он бы не понял.

Петер поднимает голову и поворачивает её так, чтобы видеть меня левым глазом.

– Как дела?

Его голос звучит... безводно. Может быть, это связано с тем, что у него есть жабры, но он сейчас на воздухе? Устрой-

ство его голосовых связок у меня не хватает фантазии представить.

Пожимаю плечами.

– У меня – насколько я могу судить, вполне благополучно. Только я устал очень. Засиделся и потерял счёт времени. Который сейчас час? И какого дня?

– Ты ещё спроси, какой сегодня год... – устало усмехается Петер. Выглядит он не очень. Кожа – сухая и морщинистая, чешуя – взъерошена, а гора отчётов по обе стороны его стола – по обе стороны его глаз – выросла в полтора раза с моего прошлого визита. Усмехаюсь в ответ.

– Мой большой друг Кан-Гиор, вспоминая свои прошлые жизни, нередко шутит про «какой сегодня год», возвращаясь из воспоминаний в настоящее время.

– Кан-Гиор? – поднимает голову Петер и поворачивает её так, чтобы теперь смотреть на меня правым глазом. – Это который в среднем аналитическом отделе?

Признаться, этот вопрос застаёт меня врасплох.

Я даже замираю с открытым ртом. Петер смотрит на меня правым глазом и потягивает свой напиток через трубочку. А когда я подбираю челюсть и расплываюсь в улыбке, он поворачивает голову и пристально смотрит левым глазом.

Да, это один из тех моментов. «Амрис, если он твой большой друг, как так, что ты не в курсе, что вы находитесь в одном здании?»

Что, не могу не отметить, хороший вопрос.

– Похоже, коммуникация между отделами у нас совсем плохая, – вздыхает наконец Петер.

– Я готов немедленно идти её налаживать! – тут же вызываюсь я. Только жаловался на отсутствие общения – и тут так всё удачно складывается. Кан-Гиор. Более, более, чем удачно. Петер растягивает губы в тонкой улыбке. Это настолько диковинное зрелище, что кажется мне, что профиль улыбающейся рыбьей головы моего начальника Пети будет являться мне в особо остросюжетных снах в виде чудесного знамени. Или даже небесного светила.

– Давай. И заодно передай им, пожалуйста, чтобы на сегодня расходились и как следует отдохнули. От их опусов, – он качает отчётами, которые продолжает держать в руках по обе стороны головы. – Исключительно неприятно фонит тем, как они все устали. Очень мешает сосредоточиться на смысле.

Мать божья. Он ещё и продвинутый эмпат.

– Конечно.

– И сам отдохни. А то при упоминании твоего большого друга ты оживился, но вообще выглядишь неважно.

– Если честно, вы тоже, – вдруг говорю я. – Я совершенно не специалист по вашему биологическому виду, но на мой неискушённый взгляд, вам отдых тоже не помешает.

Петер поворачивает голову в анфас и склоняет её на бок. То есть сейчас, получается, не смотрит на меня.

– Благодарю за твою заботу. Я обращаю внимание.

И вновь принимается за изучение опусов усталого анали-

тического отдела.

Я так понимаю, что я свободен.

Поворачиваюсь к двери и понимаю, что не знаю, куда идти.

Ладно. Ещё одна минутка позора. Но, как говорится, спросить – позор на минуту, а не знать – позор навсегда. Будем следовать сей мудрости.

– А напомните, пожалуйста: где находится средний аналитический отдел? – по возможности, невинным тоном спрашиваю я.

Петер прикрывает глаза – ну, или тот глаз, который ближе ко мне.

– На пятом этаже.

– А, точно, – торжествуя взмахиваю отчётом я и замечаю, что я его так и не отдал.

– Мы сейчас на первом, – терпеливо добавляет Петер. Похоже, он в моих умственных способностях совсем разочаровался. – Отчёт свой тоже им отдай. Пусть рисуют.

Рисуют?

Но нет, лучше не буду уточнять, иначе Петер совсем расстроится. Здоровье начальника надо, по возможности, беречь.

Только ещё какая-то мысль мелькнула в моей голове на словах «какой сегодня год». Но вот какая...

А, да.

– Там в экспериментальной зоне сидит парень-альбинос,

и я немного волнуюсь за его состояние. Насколько я вижу, примерно до утра его состояние стабильно, а после этого может обостриться. Когда именно – зависит от нескольких не вполне известных мне факторов. Хотел вам об этом сообщить.

Петер пронизывает меня взглядом правого глаза.

– Ты сообщил, а я принял к сведению. Если ты чувствуешь личную ответственность за него, прошу тебя о нём позаботиться.

Не могу сказать, что я вполне удовлетворён этим ответом, но, честно говоря, да: я чувствую за того парня некоторую личную ответственность. Так что...

– Хорошо.

– Лестница находится по правую руку от выхода из кабинета. Право – в этом направлении, – он поднимает соответствующую руку и показывает направление. – Когда ты окажешься на лестнице, тебе нужно будет подняться десять пролётов до пятого этажа. А там сможешь спросить.

И вновь погружается в изучение отчётов.

Секунду я медлю, пытаюсь отгадать по его интонации: это он так шутит – или это он так серьёзно?

Я даже не знаю, какой из вариантов мне больше нравится.

Пойду лучше топтать десять пролётов до пятого этажа.

– Спасибо.

И уже на лестнице я успеваю додумать мелькнувшую в разговоре с Петером мысль.

Глаза по разные стороны головы.

Получается, что представители этих человекорыб всегда смотрят либо одним глазом, либо другим, и никогда не могут увидеть что-то двумя глазами одновременно.

А это ведь может быть целой глубокой мечтой их биологического вида.

Как, например, у человечества на Земле была большая мечта летать, и в итоге изобрели самые разные летательные аппараты, вплоть до летательных костюмов, когда полёт человека, одетого в такой костюм, наиболее близок к планированию птицы.

Или есть большая мечта о том, чтобы люди жили в согласии с природой и могли общаться с животными и растениями.

Или мечты о телепортации, о переходе в другое измерение.

А у соотечественников Петера кроме их местных, логично следующих из условий мира мечт может быть мечта – смотреть на другого двумя глазами одновременно.

Может быть, это даже выражение высокой, недостижимой любви.

Не просто «я вижу тебя».

А «я смотрю на тебя двумя глазами одновременно».

Надо будет при случае спросить, так ли это. Ой, я не представляю, какими глазами – или каким глазом – на меня будет смотреть Петер, если я задам про это вопрос.

Но я думаю, что, будучи эмпатом, он прочитает моё безобидное намерение и, может быть, расскажет.

Ну, или в намерении сохранить секреты своей расы, будет молчать. Как рыба.

Ладно. При случае.

А сейчас – Кан-Гиор.

И я срываюсь на бег.

В среднем аналитическом отделе сидят очень умные существа. Это я ещё с лестницы могу сказать. Явного телепатического поля я по-прежнему не замечаю, но ощущаю, что приближаюсь к плотной среде, заполненной сложносочинёнными образами, как будто густой суп.

Всё, приплыли. Пошли кулинарные метафоры. Ужинать и спать, Амрис, ужинать и спать.

О, я же смогу ужинать с Кан-Гиором. И спать, кстати, тоже.

Да у меня появились планы на вечер!

Однако для осуществления этих планов Кан-Гиора нужно сначала найти.

По левую руку коридора располагаются большие открытые общие отсеки, а по правую – маленькие закрытые комнаты.

В первом отсеке я вижу группу низкорослых существ, одетых в зелёные комбинезоны, с светло-рыжими курчавыми волосами. Я бы назвал их лепреконами. Стоит мне войти,

они синхронно поворачивают головы на меня, синхронно моргают и синхронно склоняют головы на бок в знаке, вероятно, недоумения.

Я лучезарно и несколько нервно улыбаюсь – зрелище то ещё – и пядусь к выходу. Лепреконы единым на всех движением поворачиваются к некоему круглому кристаллу, вокруг которого они стояли в момент моего прихода, и более не обращают на меня внимания.

Я иду дальше. У Кан-Гиора, конечно, свои причуды, но он точно не лепрекон.

В больших отсеках картина примерно одна и та же: на столах разложены, на стенах отражены лучом проектора, в воздухе голографически представлены графические концентрические схемы, похожие на лабиринты круглой формы, и вокруг этих схем стоят их, по-видимому, создатели, знатоки и ценители – сотрудники среднего аналитического отдела. А, вероятно, это имел в виду Петер, говоря про «рисовать».

Пожалуй, я давно не видел такого скопления представителей разных рас. Причём все – гуманоиды. Примерно треть существ в привычном мне образе человека: одна человеческая голова, две руки, две ноги. Цвет кожи и волос, правда, самый разный и временами экзотический, а пальцев на руках не всегда пять, но это уже детали.

Ещё одна треть существ привлекает моё внимание непривычным мне образом тела. В четвёртом отсеке существо с двумя лицами, расположенными на голове рядом, показыва-

ет что-то типа глобуса существу с двумя лицами, которые расположены с разных сторон головы. Существо с двумя туловищами, растущими из одних ног, пронесит мимо две пачки каких-то документов выше обеих своих голов, попутно издавая высокие пронзительные возгласы, чтобы ему дали дорогу. Из любопытства оборачиваюсь – у обеих голов пышные светло-рыжие волосы длиной до плеч. Я бы сказал, что это существо мужского пола, но далеко не факт.

Третья часть существ представляет собой по форме своеобразные гибриды человека и животного. Причём, как и у Петера, преобладает человеческая форма. Нет никого, кто ходил бы на четвереньках, передвигался бы в аквариуме на колесиках или летал. Но есть двуногие существа с клювами и полноразмерными крыльями, существа, покрытые шерстью, существа, у которых растут рога: один, самый длинный, на лбу, затем, покороче, на макушке, ещё покороче на затылке и так далее до самого основания позвоночника, – и прочие особи весьма диковинного вида.

К шестому отсеку меня настигает пренеприятное подозрение.

А вдруг Кан – не в человеческом теле?

Он ведь может.

Ему дай какое-нибудь тело с хорошей тонкой чувствительностью, подходящее для работы с большими телепатическими полями, – он ведь из него не вылезет. Ну, то есть, в момент смерти, конечно, вылезет, но вплоть до самого мо-

мента смерти Кан будет совершенно счастлив в таком теле с его возможностями.

О, кстати, париф идёт. Незнакомый, правда, но я и видел всего одну пару представителей их вида. На меня совсем не обращает внимания. Интересно, что и как привело его сюда с их планеты.

Или Кан может одухотворять какую-нибудь органическую машину, например, и нежно мигать мне интерфейсом. И это будет очень смешно, потому что договариваться надо было, кхм, по-человечески, но и немножко грустно тоже будет.

Блин.

Меня надо вовремя кормить и вовремя укладывать спать. Иначе я совсем туго соображаю.

А на нашей базе для бодрости можно будет повесить голографический портрет Пети, который будет смотреть на меня то одним глазом, то другим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.